

Любовь и тайна

Читайте романы Татьяны Корсаковой

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Утопленница, или Третий ключ
Дом у Чертова озера
Вечность, или Пепел феникса
Невеста, или Волчья кровь
Ночь, или Слеза ангела
Гостья, или Печать василиска
Колдунья, или Проклятый дар
Призраки, или Музы дождливого парка
Ловушка, или Самая темная ночь
Дежавю, или Час перед рассветом
Паломница, или Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Избранница, или Судьба № 5
Найденш, или Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Ева, или Паутина чужих желаний
Лунные драконы

Татьяна
Корсакова

Лунные драконы

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Оформление обложки *Е. Черновой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Лунные драконы : [роман] / Татьяна Корсакова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Любовь и тайна. Романы Татьяны Корсаковой).

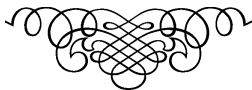
ISBN 978-5-521-87125-4

В давние-давние времена талантливый мастер выковал для своей возлюбленной дивный серебряный браслет с драконами, украсив его лунным камнем, упавшим с неба. Этот амулет спас девушку от смерти, зато отнял жизнь у самого творца. Прошли века, и молодой талантливый врач Сергей ищет способ помочь той женщине, что оставила неизгладимый след в его прошлом, перевернув всю его жизнь. Помогут ли ей лунные драконы, тем более что Сергей еще не разобрался в своих чувствах к ней и не знает, что победит: любовь или презрение, замешенное на обиде?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., текст, 2017
© Чернова Е., иллюстрация
на обложке, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-521-87125-4

Ночь выдалась черной-черной, точно грива любимого княжьего жеребца. И даже луна, большая и круглая, с лоснящимися как масленичный блин боками, не могла рассеять эту черноту. В такую б ночь спать на свежем, терпко пахнущем сене, а не тарачиться в небо. Да куда ж ему, Горазду, уснуть, когда там, в княжьих палатах, умирает от неведомой хвори Ясенька, а ключница Малуша, старая и совсем сивая, каждый день молит Бога, чтобы побыстрее прибрал к себе бедную княжну, чтоб не мучилась юная хозяйка муками адовыми, не кричала от нестерпимой боли.

И князь от горя лютый стал, давеча заморского лекаря зарубил, потому как не помогли Ясеньке лекаревы травы. И зелья ведьмы с Гнилого болота не помогли, и снадобья, княжьим послом из Орды привезенные. Умирала Ясенька, вот Горазду и не спалось...

Они росли вместе: любимая княжья дочка Ясна и Горазд, единственный сын лучшего на всю округу золотокузнеца. С малых лет рядом: в княжьих палатах, на скотном дворе, в лесу, на заливных лугах да на речке. Ясенька всегда здоровьем слабая была: маленькая, тонкая, что та осинка, неловкая. Сколько раз падала, ушибалась. Может, если бы не Горазд, так и вовсе насмерть зашиблась бы. Да только он

завсегда рядом был — оберегал хозяйку. И князь его за то привечал, видел, как кузнецов сын о Ясеньке печется.

Горазд и не заметил, когда это случилось. Просто однажды любовался, как Ясенька с подружками на лугу хороводы водит, а сердце как кольнет чем-то острым, точно шилом. Не жить ему без княжесей дочки, ох, не жить. И без нее не жить, и с ней не жить... Она ж княжна, а он кто? Княжий холоп! Не-гоже холопу о такой-то горлице грезить, не про его она честь. Значит, надо псом сторожевым у ее ноженек да у светлицы, тенью незримой, чтоб никто, особливо князь, не догадался. Оберегать...

Уберег. Сам в ордынский полон угодил, но Ясеньку ненаглядную спас...

Ясенька удумала к Гнилому болоту пойти за ягодами. Уж больно там клюква знатная водилась. Князь, знамо дело, не позволял, да ведь Ясенька — она ж только с виду тоненькая да слабенькая, а нутро у нее — что твой булат. Коль что удумала, так непременно сделает, даже отцова гнева не убоится. Вот Горазд следом и увязался, чтобы присмотреть. Батьке сбрежал, что с мужиками на сенокос, а сам за Ясенькой на Гнилое болото.

Много они тогда ягод собрали — полное лукошко. В лукошко — это Горазд складывал, а Ясенька все большие цветочками любовалась да букашек всяких разглядывала. А еще вопросы задавала смешные. Почему луна круглая, да как это так она с небес на землю не падает? Ей бы хотелось, чтобы упала: не вся луна, Господь упаси, но хоть маленький кусочек чтоб от нее откололся. Горазд спросил, зачем княжне луна, а она улыбнулась так странно, сказала, что красиво. Не понял он тогда, что в луне красивого-то. Солнце вот многим пригоже и полезнее, но с Ясенькой спорить не стал. Да он бы, будь его на то

воля и умение, луну собственными руками с неба отодрал и ей в горницу принес, чтобы светила вместо лучины.

...Конников Горазд первым услышал. Не услышал даже, а звериным чутьем почуял. Они с Ясенкой лесом от Гнилого болота возвращались, когда все вокруг притаилось-замерло. Ох, худо это — времена лихие, люда недоброго развелось — тьма, да и ордынцы, сучье племя, повадились набеги учинять. Вон весной Якимову слободу дотла выжгли, людей неповинных порубили, а кого не порубили, так, сказывают, в полон увели. Схорониться бы.

Не ошибся Горазд. Так и есть — ордынцы! Много их, перстов не хватит, чтобы пересчитать. Предупредить бы князя, что беда идет...

Ясенку он под упавшим деревом спрятал, а для надежности сверху еще старыми ветками забросал. Велел сидеть и носу не казать, пока он за ней сам не воротится. Хоть бы послушалась княжна, хоть бы усидела на месте...

Пешему конников обогнать — тяжкая задача, только ноги у Горазда сильные, да и дорогу короткую он знает. Все одно, как ни старался, а поспел только стражу предупредить да за кувалду схватиться. Нечисть ордынская уже тут как тут. Налетели со всех сторон, точно воронье.

Ох, лютая сеча была! Крови пролилось столько, что и дождь не нужен. На глазах у Горазда почитай вся княжеская дружина полегла, а князю копьё в бок воткнули. Дома пожгли-пограбили, баб, стариков да детей малых, из тех, кто спрятаться не успел, поубивали, а девок помоложе да покрасивие в полон забрали. Горазда тоже забрали...

Он бы ни за что живым не дался, лучше б рядом с батей своим да князем на родной земле костями лег, да не вышло. Их много было — тех, кто спереди на-

падал, только успевай кувалдой махать, недосуг оборачиваться. Вот и не углядел, как сзади тать узкоглазый подкрался. Вспыхнуло что-то в голове ярко-ярко, и мысль последняя промелькнула — хорошо ли Ясеньку схоронил...

В ханском рабстве оказалось худо, потому как норовистый был Горазд, непокорный. Уже давно б в земле гнил, если б не золотые его руки. Руками этими он много чудных вещей делать умел. Поклон ба-те-покойнику — научил. Сам хан Горазда привечал. Цацки диковинные, которые Горазд из золота да серебра для любимой ханской жены ковал, да оплечья, самоцветами изукрашенные, да шелома легкие и крепкие, да много еще чего... Вот за это хан непокорного раба и терпел. Терпеть-то терпел, да нагайкой охаживать не забывал, чтобы знал пес кусачий, чья рука его кормит. Откусил бы Горазд эту руку, да не подобратся к хану, охранники кругом. Ничего, Горазд ждать умел. Придет и его час, вырвется из ворожьего плена, вернется домой — к Ясеньке.

Шесть зим прошло и семь весен, пока его час настал. До хана Горазд не добрался, но вот любимого ханского баскака голыми руками придушил и еще много ордынцев положил, перед тем как в степь уйти. Не зря ждал, не зря надеялся. Помог Господь...

Долго Горазд до дому добирался. И чем ближе, тем тяжелее на сердце становилось. Как же там Ясенька одна все эти годы? Матушки, батюшки нет. Братьев нет, не нажил князь сынов-то. Кто ж ее оберегает? Кто о ней, сиротке, печется?..

Но не помер князь — вот чудо-то! После той сечи с ордынцами хром стал, из-за бока разодранного в седле держится криво, но жив! Город, почитай, заново отстроил, замок укрепил. И на землях княжих покой и благодать, никто не лютует, не озорует.

А все оттого, что у князя нынче ярлык ханский имеется и на землях его ордынцы — гости желанные. Вот как оно все обернулось-то...

Ну да кузнец князю не судья. Да что ему князь! Ему бы с Ясенкой свидетелься, потому как невтерпеж уж больше.

От ключницы Малуши да от девок дворовых узнал Горазд, что одолела княжну хворь злая и небывалая, такая, что никто излечить не может. Не поверил. Ночью, как совсем стемнело и стражники князевы вместо того, чтобы замок охранять, браги напильсь и спать повалились, взобрался на дерево, что под Ясенкиным оконцем росло, заглянул в горницу.

Лучше б не заглядывал... Света от ущербной луны акkurat хватило, чтобы княжну разглядеть и пожалеть, что из плена ордынского живым вернулся. Ничего-то от прежней Ясенки не осталось. Была птичка-невеличка, звонкоголосая, синеглазая, а оборотилась мышью летучей с крыльями перебитыми, глазами мертвыми. А потом Ясенка заплакала, тихо-тихо, что дите малое. Горазд, чтобы не закричать от злости да бессилия, руку себе до крови прокусил. Не помогло. Ни о чем он теперь думать не мог — только о том, как княжне помочь.

Думал-думал, да не придумывалось ничего, голова от мыслей этих тяжких гудела, точно наковальня, руки дрожали так, что одну и ту же работу приходилось по два раза переделывать. И плач Ясенкин так в ушах и стоял, терзал душу, спать не дозволял. Вот и лежал Горазд на сене, таращился в черноту, думал...

...Звезда сорвалась с неба, когда Горазд уже собрался в кузню воротиться. Яркая-яркая, с синим отсветом и хвостом дымно-белым. Сорвалась и полетела акkurat к Горазду, ухнула в чан с водой, и вода сразу зашипела, паром пошла.

Подходить к чану было боязно — а ну как и в самом деле звезда! Или вот от луны кусочек... не видно ж на небе ни единой звездочки, черным все черно — только луна, Ясенькина любимица...

Горазд все с духом собирался, когда дубовый, крепко-накрепко железными ободами скрепленный чан расколосся, точно лесной орех, распался на две половинки. Вода выплеснулась на землю, и туда же, под ноги Горазду, выкатилось небесное диво. Тут уж он не забоялся, как только диво увидал, про все свои думы тяжкие враз позабыл.

Как есть лунный обломок! Небольшой, с голубиное яйцо, еще горячий, серый с синими всполохами внутри — не то камень небывалый, не то металл невиданный, так сразу и не разберешь. Пригожий. Ух, какой пригожий! Аж глазам больно смотреть на такое-то диво. И руки дрожат чисто от лихomanки, того и гляди — упадет кусочек луны на землю, затеряется в высокой траве. Ищи потом...

Диво Горазд за пазуху спрятал, для надежности. Животу сразу стало горячо и щекотно, и спать захотелось так, что аж не вмоготу...

...Сон ему пригрезился небывалый: яркий, как весеннее утро, звонкий, как Ясеньки голосок. Драконов, тварей огнедышащих и крылатых, коих Горазд на иноземных картинках видывал, да коими ханские доспехи украшал, было двое. Один поболее: грозный, с хвостом змеиным да башкой шипастой. Второй поменее: ласковый, с чешуей блестящей, как у карпов в княжьем пруду, с крылами, покойно сложенными, и очами закрытыми. И держали те драконы в лапах то, что Горазд давеча за пазухой спрятал, — кусочек луны. Один оберегал, другой ублакивал, нашептывал что-то тихое, человеческому уху непонятное. Да только вот Горазд все равно понял: и про драконов, и про жизнь свою, и про то, как Ясеньку уберечь...